

Ю. Козак, А. Гримадюк

Одесский национальный экономический университет

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АНАЛИЗА ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Актуальность проблематики

Актуальность данной проблематики определяется прежде всего теми сдвигами в содержании труда, которые привели к появлению на исторической арене «нового среднего класса», занимающего промежуточное положение между рабочими и работодателями и получившего название «креативный класс». По мнению его «первооткрывателя» Ричарда Флориды (получившего прозвище «Маркс без бороды»), с образованием «креативного класса», объединяющего в США более 30% рабочей силы, «связаны глубокие и значительные перемены в наших привычках и методах работы, ценностях и стремлениях, а также в самой структуре нашей повседневной жизни» (19, с.12). Как показывает масштабное исследование, проведенное Р.Флоридой совместно с И. Тинагли, аналогичные процессы происходят и в Европе. По общему числу людей, занятых в креативных индустриях, второе место в мире после США занимает Россия (24, р.17-21). Однако работы Р.Флориды – не панегирик «креативному классу». Флорида критикует «креативный класс» за инфантилизм, безответственность и невыполнение своих лидерских обязательств. Хотя это и режет слух, но автор призывает его к выработке классового сознания. Главный пафос его работ: «креативный класс» набрался сил и теперь должен самоидентифицироваться и взять ответственность в свои руки (23, р.9).

Особенно актуальна сегодня эта проблема для России, где «креативный класс» вынужден с ходу включиться в политическую борьбу и образовать ядро оппозиции режиму, не выработав еще своего политического самосознания, не понимая, что ему собственно нужно и что он будет делать

после ухода Путина. Отсюда – в основном негативный характер его политических требований, которые сводятся по сути к «Путин, уходи» и полная неспособность выдвинуть не только какую-либо позитивную программу, но и хотя бы приемлемый план действий. Это стало одной из причин поражения первых массовых выступлений оппозиции. Неудача этих выступлений наглядно подтверждает, что заявленная когда-то Г.Лукачем тема «истории и классового сознания», давно переставшая быть актуальной для рабочего класса, становится сегодня как никакая другая актуальной для «креативного класса».

Эти трудности не случайны. Эпистемологически они в определенной степени связаны с экономической и социологической неразработанностью не только теории «креативного класса», но и проблем творческой деятельности в современной экономике, что мешает «креативному классу» осознать свое место в обществе и свою роль в процессах его развития. Значение этих крайне сложных вопросов определяет особую актуальность поиска методологических основ анализа творческой деятельности, осуществляемого в рамках экономической социологии.

Постановка проблемы и цель рассуждений

В литературе значительный резонанс помимо работ Р.Флориды вызвали также работы Чарльза Лэндри «Творческий город» и Хокинса «Креативная экономика». Что же касается более категориальной разработки этих вопросов, то здесь в настоящее время лидирует постмарксистское направление. Оно рассматривает творческую деятельность как процесс непосредственной, неотчужденной кооперации, диалога, со-творчества субъектов деятельности. Постмарксизм исходит из того, что для включения в такие субъект-субъектные отношения нужны личностные способности к «опредмечиванию и распредмечиванию» результатов творчества и открытый, не ограниченный частной собственностью доступ к культурным ценностям (6; 4; 3; 7; 13; 12; 1, с. 27-29). К постмарксизму примыкает и так называемый «постиндустриальный социализм» (5).

В то же время подход с точки зрения альтернативных возможностей индивидуального выбора, господствующий в экономической теории, к решению этих теоретических вопросов фактически не применяется. Это мешает налаживанию междисциплинарных связей экономической социологии и экономической теории.

Целью статьи является попытка рассмотреть проблемы творческой деятельности с позиций альтернативных возможностей индивидуального выбора и тем самым перекинуть мостик между экономической теорией и экономической социологией.

При этом мы исходим из того, что экономическая социология не может себе позволить пройти мимо проблем «креативного класса» так же, как это фактически сделала экономическая теория (за исключением, пожалуй, «новой теории роста» П.Ромера). Экономическую теорию не интересует, откуда берутся альтернативные возможности. Вынося этот вопрос за рамки своего предмета, современная экономическая теория тем самым фактически передает его в ведение экономической социологии, которая силу самой природы своего предмета призвана рассматривать не только использование альтернативных возможностей, но и их создание.

Экономическая и творческая деятельности

Такое разграничение предмета анализа небезосновательно. Оно исходит из действительного различия экономической и творческой деятельности.

Экономическая деятельность включает две стадии: 1) выбор определенного варианта деятельности из известных альтернатив; 2) осуществление этого варианта, опредмечивание деятельности в ее результате, то есть труд. Как известно, Маркс делал упор на труд, на опредмечивание деятельности, то есть акцентировал внимание на второй стадии экономической деятельности. Современная экономическая теория, напротив, делает акцент на первой стадии экономической деятельности, на проблеме выбора.

Однако этого перенесения акцента с труда на выбор явно недостаточно для адекватного анализа современной экономики. Дело в том, что при этом экономическая теория фактически исключает из своего предмета творческую деятельность, способную создавать новые альтернативные варианты выбора. В результате все внимание односторонне фиксируется на анализе выбора, а не на том создании для него новых возможностей, которое образует исходный пункт сложной деятельности, характерной для современной экономики. Для того, чтобы категориально выразить особенности современной развитой экономики, надо перенести акцент не с трудового действия на выбор, а с выбора – на создание для него новых вариантов и, следовательно, с экономической деятельности – на творческую.

В экономической деятельности классического индивидуального производителя («простого товаропроизводителя») предпринимательский выбор и трудовое воздействие на предмет труда соединены в одном лице, но сама эта деятельность обычно фактически отделена от творчества, создающего новые альтернативные варианты действий. Вследствие такого общественного разделения деятельности отделенные от творчества действия носят рутинный характер. Развитие мелкотоварного производства происходит медленно. Не удивительно поэтому, что оно оказалось неспособно противостоять капиталистическому производству, предполагающему предпринимательство, отделенное от непосредственного труда.

Капиталистическое предпринимательство означает относительное обособление выбора от труда. Предприниматель концентрирует внимание на функции экономического выбора, рабочий – преимущественно на непосредственном действии, выступающем как труд. В классическом капиталистическом производстве выбор и труд оказываются разделены. Выбор становится прерогативой предпринимателя, а труд закрепляется за наемным рабочим.

Это новое, специфически капиталистическое общественное разделение деятельности на обособившиеся и противостоящие друг другу трудовое действие и предпринимательский выбор получило своеобразное выражение в экономической мысли. С одной стороны, основанная на трудовой теории стоимости марксистская политическая экономия акцентирует внимание на труде как действии, направленном непосредственно на материальный предмет. При этом субъективный экономический выбор отодвигается на задний план. С другой стороны, возникли австрийская и неоклассическая школы, акцентирующие внимание на проблеме экономического выбора и рассматривающие трудовое действие лишь как один из производственных ресурсов или факторов производства.

Современная экономическая теория помещает между материальным миром и миром «праксеологической реальности» особую предметность – альтернативные возможности человеческой деятельности. «Праксеологическая реальность – не физический мир, – подчеркивает Л. Мизес, – а сознательная реакция человека на данное состояние этого мира. Экономическая теория – это не наука о предметах и осязаемых материальных объектах; это наука о людях, их намерениях и действиях. Блага, товары, богатство и все остальные понятия поведения не являются элементами природы; они элементы человеческих намерений и поведения. Тому, кто хочет заняться их изучением, не нужно смотреть на внешний мир; он должен искать их в намерениях действующих людей (14, с.89).

В отличие от радикального активизма Фихте праксеология Мизеса не стремится отрицать объективное существования материального мира; она вообще методологически индифферентна по отношению к объективности его существования. Ее интересуют совсем другие, идеальные объекты человеческой деятельности – альтернативные возможности, из которых делает свой выбор экономический субъект, а не материальность тех вещей, с которыми связаны эти альтернативные возможности. Вследствие этого своего интереса не к материальным, а прежде всего к идеальным объектам человеческой деятельности или феноменам деятельности (по аналогии с гуссерлевским пониманием феномена как интенционального объекта) австрийская праксеология в отличие от марксистского деятельностного подхода выступает как своего рода феноменология человеческой деятельности.

Вряд ли является случайным то, что параллельно с проникновением в экономическую теорию «австрийского» по своему происхождению понятия альтернативных издержек, рассматриваемых как издержки утрачиваемых альтернативных возможностей, в современное мышление вошло разработанное Э. Гуссерлем понятие интенциональных объектов. Феноменологическая редукция Э. Гуссерля, как и методологическое сомнение Декарта, исходит из несомненности факта сознания. Но, если несомненно сознание, то несомненно, следовательно, и то, на что оно направлено. Ведь нельзя разрывать акт сознания пополам. Не бывает интенциональности, направленности без того, на что она направлена. Значит, в сознании трансцендентального субъекта существуют не только акты мышления, но и те объекты, на которые направлены эти акты.

Гуссерля интересовало в основном познание, а не практическая деятельность, хотя в принципе интенциональные объекты могут рассматриваться как объекты не только познания, но и практической, в частности, экономической деятельности. Однако Гуссерль не акцентировал внимание на деятельности, как Фихте. Поэтому у него интенциональные объекты выступают как образы материальных вещей, на которые направлено сознание познающего, а не активно действующего субъекта. Вследствие такого фактически предполагаемого бездействия познающего субъекта теряет всякий смысл рассмотрение альтернативных возможностей действий в качестве особого класса интенциональных объектов, являющихся объектами уже не созерцания, а выбора. Если же предположить субъекта не созерцающим, а действующим, то возникает совершенно новая категория интенциональных объектов – интенциональные объекты выбора, в качестве которых выступают альтернативные возможности действий. Выделение

этого особого, «деятельностного» класса интенциональных объектов способно открыть новые перспективы и существенно расширить границы применения деятельностного подхода в экономической социологии.

Если в соответствии с подходом современной экономической теории рассматривать экономическую деятельность прежде всего как индивидуальный выбор, то интенциональными объектами такого выбора как раз и являются альтернативные возможности. Они образуют ту самую феноменологическую предметность, ту «праксеологическую реальность», с изучения которой и начинается современная экономическая теория. Такое феноменологическое понимание предметности фактически присуще современной экономической теории в ее и неавстрийском, и неоклассическом, и неинституциональных вариантах.

Возьмем, например, неинституциональную теорию прав собственности. Вообще говоря, права собственности, то есть права индивидов использовать ресурсы (21, с. 47) – это исторически определенная общественная форма возможностей выбора индивидом своих действий. Рыночная трансакция, то есть обмен правами собственности – это специфическая общественная форма обмена этими возможностями. Собственность рассматривается в неинституциональной теории в духе англосаксонского права – как пучок, набор правомочий. В свою очередь каждое правомочие представляет собой определенный набор возможностей, открывающихся перед его владельцем. Следовательно, обмен правами собственности, правомочиями – это есть в конечном счете обмен возможностями. Р.Коуз подчеркивает, что «на рынке торгуют не материальными предметами, как часто предполагают экономисты, а правами осуществлять определенные действия» (8, с. 348). Каждое правомочие расширяет возможности субъекта, его выбор. Так, А.Алчиан определяет систему прав собственности как «совокупность методов предоставления конкретным индивидам «полномочий» выбирать любой способ использования конкретных благ из класса незапрещенных способов использования этих благ» (22, p.130)¹.

¹ Это, впрочем, прекрасно понимал и сам основоположник деятельностного подхода. Фихте характеризует «право собственности как право, исключающее действия, а не вещи. Это происходит так. Пока все живут смирно друг возле друга, между ними не возникает споров. Только впервые тогда, когда они начинают проявлять себя в деятельности, они сталкиваются друг с другом. Свободная деятельность – источник борьбы сил. Она, следовательно, и является тем предметом, о котором должны договариваться спорящие; эта деятельность, а не вещи, составляет предмет договора. Собственность на предмет свободной деятельности вытекает и выводится из исключительного права на свободную деятельность. Я не буду утомлять себя, придумывая средства для идеального владения этим деревом, если никто из тех, кто приближается к нему, его не трогает и если только

Соответственно и товарный обмен рассматривается в неинституциональной теории не как обмен материальными предметами, а как обмен правами собственности, то есть, иначе говоря, как обмен возможностями действовать определенным образом в отношении этих предметов. Такой обмен возможностями и образует содержание рыночных трансакций, а издержки этого обмена правами собственности образуют трансакционные издержки.

Существует однако не только обмен возможностями, но и творческое создание принципиально новых возможностей. Эти творчески созданные возможности значительно усложняют определение прав собственности. «Например, внедрение новых технических средств, как-то автомобиль, копировальные машины, компьютеры, видеопленки, зачастую порождает неопределенность в отношении прав собственности, в результате чего права, имеющие ценность, остаются в общественном «секторе собственности» (21, с.53).

Определяющим для способа обмена является его интенциональный объект, то есть то, какие именно альтернативные возможности обмениваются. В этом смысле объект обмена определяет способ обмена. Личностным, творчески созданным возможностям адекватен свободный межличностный обмен. Рыночные же трансакции адекватны общественным возможностям, но не всем, а лишь тем общественным возможностям, которые имеют исключительное, конкурентное использование. Использование их одним субъектом исключает их использование другим. «Обеспечение прав собственности предусматривает исключение других лиц из числа пользователей ограниченных ресурсов» (21, с. 49). Однако в специфически исторической форме прав собственности выступает лишь часть общественных возможностей в то время, как другая часть открыта для всеобщего использования².

Неинституциональная теория прав собственности рассматривает обмен товарами как обмен правами собственности, то есть как рыночную

мне одному полагается снимать с него плоды, когда я захочу. ... Таким образом, на основе договора всех со всеми распределяется сфера свободной деятельности между отдельными индивидами, и из этого деления возникает собственность» (18, с. 260).

² «Коль скоро мы имеем дело с информацией, «продуктами» духовного производства, покинув мир материального, конечного богатства, мы вступаем в сферу общественной собственности. Поскольку в области духовного производства и информации нет конечности, значит, нет места и частной собственности. ... В постиндустриальном (информационном) обществе обладание частной собственностью и ее размеры зависят прежде всего от того, как и насколько человек включен в сферу общественной собственности: чем больше он приобщен к знаниям и информации, тем выше его материальное благосостояние» (9, с. 192-193).

трансакцию. Трансакция – это обмен не вещами, а альтернативными возможностями, то есть интенциональными, а не материальными объектами. Здесь неинституционализм солидарна с неоклассикой, заменяющей вслед за австрийской школой классический анализ объективной стоимости анализом альтернативных издержек. Все эти течения современной экономической мысли основаны по сути на анализе альтернативных возможностей, являющихся объектами экономического выбора.

Такому рассмотрению экономической деятельности адекватно понимание деятельности как выбора. Вообще же деятельность не сводится к выбору. Экономическую деятельность правомерно рассматривать как выбор из определенного набора заданных субъекту извне альтернативных вариантов действий. Экономический субъект не создает сам альтернативные возможности своих действий. Он получает их извне, от общества в готовом виде. Поэтому ему остается лишь выбирать из предлагаемых ему обществом альтернативных вариантов.

В отличие от экономической деятельности творчество не сводится к выбору, оно означает относительно самостоятельное создание самим субъектом новых альтернативных возможностей для своих действий. Степень этой самостоятельности и определяет меру творческого содержания деятельности. Именно эта относительная самостоятельность в создании новых возможностей и возвышает творчество над экономической деятельностью, использующей лишь те возможности, которые предлагает общество.

Вообще говоря, осознание человеком альтернативных возможностей своих действий может происходить двумя путями. С одной стороны, человек может узнать об их существовании от других людей, от общества. Например, в ходе его воспитания, обучения или по любым другим каналам движения и распространения знаний между людьми таким как рыночные цены, средства массовой информации и коммуникации, реклама, литература и т.д. В этом случае осознание индивидом объективно существующей возможности опосредуется обществом. В этом смысле данная альтернативная возможность выступает для индивида как общественная возможность, предоставляемая ему обществом.

Но, с другой стороны, субъект может не только получать в готовом виде знание возможностей от других людей, но и сам создавать новые возможности, причем, возможности, являющиеся новыми не только для него, но и для других людей, для общества в целом. Конечно, без общества и вне общества, без того объективного знания, которое К.Поппер называет

«третьим миром», Маркс – «всеобщим трудом», и которое у Платона выступает как мир идей – создание новых личностных возможностей крайне затруднено. Изолированному от объективного знания творческому субъекту пришлось бы на каждом шагу изобретать велосипед и не только велосипед, но даже колесо, которого он не найдет в готовом виде в первичной, естественной природе и может взять только у общества (10, с.124). В этом смысле любой индивидуальный творческий субъект – это лишь «карлик, стоящий на плечах великана».

Экономическая теория и экономическая социология. Альтернативные выборы

Предмет экономической социологии продолжается там, где останавливается экономическая теория. Экономическую теорию вообще не интересует происхождение тех альтернативных возможностей, из которых экономический субъект делает свой индивидуальный выбор. Это не ее предмет. Но это часть предмета экономической социологии, которая не может себе позволить подобно экономической теории ограничиться анализом выбора из имеющихся альтернатив, но должна исследовать также, откуда берутся эти альтернативные варианты действий. В этом смысле ее предмет шире, чем у экономической теории.

Творческая деятельность предполагает не только выбор, но и создание для него новых альтернативных возможностей. Если экономическую деятельность можно свести только к первому элементу, то творчество обязательно предполагает второй. Оба эти элемента связаны с новыми альтернативными возможностями: один – с их созданием, другой – с использованием. Поэтому категория альтернативных возможностей нужна для описания не только чисто экономической деятельности как выбора, но и для анализа элементов творчества, «растворенных» в практической деятельности.

Рассмотрение объективной основы индивидуальных действий требует сказать несколько слов о концепции объективного знания К.Поппера (15, с.150-154). В свое время его теория «трех миров» вызвала некоторое удивление. Ведь Поппер известен как непримиримый обличитель «врагов открытого общества» Платона и Гегеля. Между тем в своей теории «трех миров» он рассматривает объективное знание чуть ли не по аналогии с Марксовым понятием «всеобщего труда», означая, как известно,

«всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение» и предполагающим не только внутривременную, общественную связь между людьми, но и межвременную, всеобщую связь (11, с.116)³.

Мир «всеобщего труда», частью которого является такое объективное знание, образует наиболее глубинную, всеобщую основу возможностей выбора людьми своих индивидуальных действий. Различие между этой всеобщей основой индивидуальных действий и общественными отношениями лучше всего пояснить на примере Робинзона. Дело в том, что действия Робинзона выпадают из общественной связи, но отнюдь не выпадают из всеобщей исторической связи. Именно поэтому осмеянная марксизмом робинзонада как нельзя лучше подходит для того, чтобы отделить всеобщую основу индивидуальных действий от общественных отношений. Даже на необитаемом острове действия Робинзона не изолированы от всей предыдущей истории человечества. Для своих действий он располагает тем минимумом знаний, навыков и опыта, которые он приобрел раньше. Оказавшись на необитаемом острове, он тем не менее по-прежнему продолжает использовать эту всеобщую основу своих действий. Историческая ступень развития этой всеобщей основы и определяет в конечном счете ту сумму субъективных знаний, которой располагает Робинзон. Если бы это происходило не в XVII веке н.э., а в XVII в. до н.э., то такой античный Робинзон вряд ли смог бы использовать ружье и порох даже, если бы они каким-то чудом оказались у него в руках. Таким образом, даже оказавшись на необитаемом острове, Робинзон не выпадает из истории. Изоляция от общества не означает изоляции от всей предыдущей человеческой истории.

Но теперь он не может купить себе порох после того, как закончится его запас. Зато, с другой стороны, перед ним не стоит необходимость производить какой-то товар для обмена на этот дополнительный порох в соответствии с общественно необходимыми затратами труда. Выпадая из общества, он тем самым выпадает из мира общественных отношений и оказывается лицом к лицу с первичной, естественной природой и естественной необходимостью. Общественные отношения перестают опосредовать связь между всеобщей основой и его индивидуальными действиями.

³ Маркс пишет: «Следует различать всеобщий труд и совместный труд. Тот и другой играют в процессе производства свою роль, каждый из них переходит в другой, но между ними существует также различие. Всеобщим трудом является всякий научный труд, всякое открытие, всякое изобретение. Он обуславливается частью кооперацией современников, частью использованием труда предшественников. Совместный труд предполагает непосредственную кооперацию индивидуумов» (11, с.116). О творчестве как «всеобщем труде» см. также: 2, с. 275; 20, с. 235-280.

Он может не добавлять ничего существенно нового, имеющего всеобщее значение к тем знаниям, которыми он уже располагает. Скорее он просто адаптирует уже имеющуюся всеобщую основу для своих действий: он по-прежнему использует ружье и порох, а не изобретает винтовку или автомат. Он не обязательно расширяет всеобщую основу за счет создания новых личностных возможностей своих действий. Но если Робинзон все-таки изобретет винтовку вместо ружья, то после возвращения в общество его изобретение может получить всеобщее признание. Даже если он сам никогда не вернется в общество, его изобретение все равно может получить всеобщее признание тогда, когда люди рано или поздно обнаружат созданную им винтовку.

Так или иначе его творчество не выпадает из всеобщей связи между людьми, не отрывается от всеобщей основы, поскольку в любом случае оно опирается на уже существующее и субъективно усвоенное им объективное знание. Но, неизбежно оставаясь в сфере всеобщей связи между людьми, Робинзон вместе с тем выпадает из системы общественных отношений, из системы поддерживаемой определенным образом общественной связи между людьми. Однако, выпадая из сферы общественных отношений, его индивидуальные действия все же продолжают опираться на свою всеобщую основу.

Таким образом, личностные и общественно-опосредованные возможности индивидуального выбора человеком своих действий выступают как две противоположные формы использования одной и той же всеобщей основы индивидуальных действий. Косвенно всеобщие возможности открыты для всех людей, но непосредственно люди могут использовать их в двух противоположных формах: воспринимая их либо как готовые варианты своих действий, либо как своего рода «материал» для творческого создания новых альтернативных возможностей своих действий.

Например, технология мобильной связи является неременной составной частью всеобщей основы индивидуальных действий современного человека. Большинство людей реализуют эту всеобщую основу в качестве тех предоставляемых современным обществом возможностей мобильной связи, которые они используют в своих повседневных действиях. Набор этих альтернативных возможностей довольно обширен, если учесть, что потребитель может выбирать ту или иную компанию, тот или иной телефон, тот или иной «пакет», то или иное время, ту или иную продолжительность разговора, может набирать тот или иной известный ему номер, а при желании может вообще отказаться от использования услуг мобильной связи. Все эти альтернативные возможности являются

общественными постольку, поскольку они предоставляются современным обществом в «готовом» виде. Только в том случае, если человек использует существующую технологию мобильной связи в качестве отправного пункта ее совершенствования, эта технология как элемент достигнутой современной уровня всеобщей основы индивидуальных действий становится «материалом» для творческого создания новых личностных возможностей.

Всеобщая основа индивидуальных действий опосредуют естественные, предоставляемые человеку первичной природой возможности. Например, сама по себе первичная, естественная природа не дает человеку возможности мобильной связи на таких расстояниях. В свою очередь, как мы видим, эта всеобщая основа может использоваться в двух альтернативных вариантах, выступая либо как общественные возможности, либо как непосредственная основа создания личностных возможностей.

Выше отмечалось, что разделение труда и выбора в капиталистическом производстве антитетично по отношению к их непосредственному соединению в экономической деятельности индивидуального производителя. Вместе с тем капиталистическое предпринимательство открывает определенные возможности для усиления воздействия на материальное производство со стороны тех сфер духовного производства, которые прежде были практически полностью отделены от него. Тем самым создаются условия для беспрецедентного технологического и экономического развития.

В конечном счете это развитие достигает такой ступени, на которой выбор и действие, предпринимательство и труд дополняются творческим созданием новых альтернативных вариантов действий непосредственно на уровне корпорации, выступающей в этом случае как научно-производственный комплекс. Более того, под действием корпоративного соединения эти элементы начинают соединяться и на индивидуальном уровне. Индивидуальное действие, выступающее в производстве как труд, вновь начинает соединяться с выбором, но теперь к нему присоединяются элементы творчества. Тем самым в исторической тенденции начинается отрицание классического капиталистического разделения экономической деятельности на трудовое действие и предпринимательский выбор. Начинается частичный возврат к их соединению, но это соединение теперь начинает обогащаться еще и элементами творчества, практически чуждыми прежнему индивидуальному производителю.

Современная инновационная экономика в этом смысле выступает как начинающееся отрицание капиталистического разделения выбора и действия. Но это означает не возврат к простому товарному производству, а

скорее своеобразный исторический синтез простого и капиталистического товарного хозяйства в современной инновационной экономике. Этот исторический синтез берет от простого товарного производства начинающееся на индивидуальном уровне воссоединение действия и выбора, а от капитализма – добавление к этим этапам деятельности тех элементов творчества, которые прежде были практически отделены от материального производства и концентрировались в сфере духовного производства, отделенного от материального. Капиталистическое разложение экономической деятельности на выбор и действие, обособленные и противостоящие друг другу в форме классового противоречия, оказывается лишь историческим условием последующего усложнения деятельности, предпосылкой добавления к этим двум элементам экономической деятельности творческого элемента.

В оценке степени развития этой тенденции однако не должно быть никакого «забегания вперед». Творческая деятельность предполагает прежде всего творческое создание новых личностных возможностей. Между тем современные люди, работающие в системе общественного разделения деятельности специализируются либо на более или менее творческой подготовке новых возможностей, предназначенных заведомо для других людей, либо на практическом использовании этих возможностей, выступающих для них как уже готовые общественные возможности. Ни у тех, ни у других нет еще целостной творческой деятельности. Вместо чистого, совершенного, целостного творчества мы чаще наблюдаем лишь элементы творчества, предполагающие его разорванность, фрагментарность, а также его включенность в содержание труда, который в отличие от чистого творчества подчинен экономической необходимости. Поэтому такое распадающееся на отдельные элементы и включенное в содержание труда творчество в значительной степени подчиняется общественно-экономической необходимости. Чтобы получить общественное признание, новые возможности принимают форму общественных, опосредованных обществом возможностей и в этой неадекватной их собственной природе форме втягиваются в рыночный механизм общественного признания. Примером такой неадекватности формы и содержания может служить интеллектуальная собственность, предполагающая возможность полной или частичной продажи этих прав собственности и выступающая как противоречие в определении.

Рыночный, абстрактно-обезличивающий механизм общественного признания соответствует природе обычных опосредованных обществом возможностей, характерных для экономической деятельности. В то же

время внутренней природе творческих результатов он отнюдь не соответствует, и даже, наоборот, прямо противоположен ей. Формой проявления этого внутреннего конфликта становится, например монополистическая конкуренция, связанная с продуктовыми инновациями. Возникает конфликт монополистической и конкурентной сторон монополистической конкуренции. Противоположность этих сторон обнаруживается в том, что инновационные возможности и конкуренция оказывают прямо противоположное воздействие на положение экономической системы относительно ее общего равновесия. Если инновации, как показал Й.Шумпетер, отталкивают систему от положения общего экономического равновесия, то конкуренция, напротив, стремится приблизить систему к этому состоянию.

Это конфликт двух противоположных начал особенно характерен для современной экономики. По мере все нарастающего воздействия науки элементы творчества постепенно начинают все больше проникать даже в самые сокровенные «недра» современного производства. Возрастает сложность труда, увеличивается значение человеческого капитала, усиливаются творческие элементы в самом содержании труда и вообще любой экономической деятельности, включая предпринимательство. Такая деятельность требует уже не только обезличенного, но и отчасти – личностного признания.

При этом элементы личностного признания не ограничиваются внутрифирменными отношениями. Они выходят за пределы предприятий и проникают на рынок, причем, не только на рынок труда, но и на рынок продуктов. Творческий потенциал фирмы конечном счете вливается в ее интеллектуальный капитал, включающий не только человеческий капитал, но и так называемый структурный капитал: патенты, лицензии, фирменные знаки и торговые марки, то есть все то, что придает продукту фирмы индивидуализированный характер и отличает его от продуктов других фирм. Благодаря такой дифференциации продукции рынок данной фирмы тоже «индивидуализируется». Он относительно обособливается от рынков других фирм и от отраслевого рынка в целом. Тем самым дифференциация продукции усиливает монополистический характер конкуренции.

Благодаря относительной обособленности своего микрорынка монополистический конкурент в отличие от совершенного конкурента получает некоторую власть над ценой. Эту власть фирма использует для того, чтобы поддерживать цену своей продукции на уровне, превышающем средние издержки, и получать тем самым экономическую прибыль. Такой разрыв между ценой и издержками монополистического конкурента

означает, что его издержки признаются обществом уже не просто как часть абстрактно-обезличенных затрат, не растворяются в их «серой массе», а по крайней мере отчасти «индивидуализируются». Прибыль такого монополистического конкурента выступает как количественная мера элементов «индивидуализированного» признания экономической деятельности фирмы. Таким образом, творчество порождает элементы имманентного ему личностного признания в сфере экономической деятельности современных фирм⁴.

Но это только одна сторона развития элементов индивидуализированного признания. С другой стороны, все более индивидуализированный характер может приобретать не только объект, но и сам субъект общественного признания. Индивидуализация субъекта означает, что конкретный субъект общественного признания известен еще до того, как начался труд, направленный на удовлетворение его потребностей. В чистом виде это характерно для сфер, работающих по индивидуальным заказам, прежде всего – для сферы услуг. Но дело не только в увеличении роли сферы услуг в современной экономике, и не только во все большем распространении практики индивидуальных заказов на материальное производство, но и в глубоком изменении самого способа экономической связи производства и потребления по сравнению с классическим обезличенным производством на неизвестный рынок (16, с.307; 17, с.9; 25, р.7).

Мы видим, таким образом, что тенденция к индивидуализации пронизывает практически все стороны экономической жизни современного общества. Во всех важнейших сферах экономической деятельности, так или иначе соприкасающихся с творчеством, элементы борьбы за личностное признание неизбежно пробивают себе дорогу. Однако это только элементы того особого способа признания, который имманентен самой природе творческой деятельности.

Истоки этих тенденций современного развития кроются в самой структуре современного индивидуального выбора, в противоречивом составе тех альтернативных возможностей, на которых этот выбор базируется, в тенденции к изменению этого состава – к усилению значения личностных возможностей за счет относительного уменьшения роли опосредованных обществом возможностей. Конечно, в любом случае исходная, базовая масса возможностей всегда берется у общества в готовом

⁴ А. Горц подчеркивает постоянное стремление современных фирм придать своим товарам «несравнимую, неизмеримую, уникальную ценность художественных произведений, не имеющих эквивалента и потому предлагаемых на продажу по завышенным ценам» (5, с. 45-48).

виде. Весь вопрос в том, в какой мере субъект добавляет к этому набору опосредованных обществом возможностей что-то свое, личностное, индивидуальное, или индивидуальным является только сам выбор из этих опосредованно общественных возможностей. Если он добавляет созданные им самим новые возможности, ранее неизвестные обществу и в то же время общественно значимые, то есть имеющие значение для других субъектов в качестве возможных вариантов их выбора, то эти новые возможности выступают как личностные.

Подобно тому, как первобытный человек не стал ждать, пока первичная, естественная природа удовлетворит его потребности, а начал сам создавать нечто предметное для их удовлетворения, так и современный человек, живущий в высокоразвитом обществе, каким бы усредненным, массово-обезличенным он не был, уже не склонен выбирать лишь из того набора опосредованно общественных возможностей, которые ему предлагает общество. Он уже не только ждет милостей от общества, но и во все больших размерах, все более массово начинает сам, своим творчеством создавать для себя новые возможности, так что это постепенно становится нормой жизни высокоразвитого общества, проникая даже в те наиболее сокровенные «недра производства», которые традиционно были вотчиной скучного, отупляющего человека труда. Элементы творчества становятся общественной нормой уже не только для интеллектуальной элиты, но и для широкого круга рядовых представителей многочисленного «креативного класса».

Выводы

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что синтез концепции альтернативного выбора с историческим подходом к анализу творческой деятельности методологически вполне возможен. Отсюда следует вывод о том, что благодаря такому синтезу методологические основы анализа творческой деятельности в экономической социологии приобретают двойственный характер. С одной стороны, такой анализ исходит из альтернативных возможностей индивидуального выбора, что соответствует методологии современной экономической теории. Данная методологическая основа анализа творческой деятельности позволяет наладить междисциплинарную связь экономической социологии с экономической теорией. Другой методологической основой анализа творческой деятельности выступает присущий экономической социологии исторический подход к

исследованию. Такой подход позволяет рассматривать «креативный класс» в широком историческом контексте начинающегося в высокоразвитых странах процесса преобразования содержания человеческой деятельности в направлении развития в нем элементов творчества. Общий методологический вывод при этом состоит в том, что эти элементы творчества и порожденный ими «креативный класс» надо рассматривать прежде всего с точки зрения исторической динамики современного общества с учетом как современной ступени его эволюции, так и перспектив дальнейшего развертывания процесса творческой трансформации содержания человеческой деятельности. В перспективе такой динамический подход к анализу творческой деятельности по мере своей разработки способен заложить методологические основы дальнейшего развития теории «креативного класса».

Список использованной литературы

- Батищев Г.С. Неисчерпанные возможности и границы применимости категории деятельности. – в кн.: Деятельность: теории, методология, проблемы. – М., 1990. – с. 27.
- Библер В.С. От наукоучения – к логике культуры – М.: Политиздат, 1990 – 412 с.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. – М.: Логос, 2004 – 437 с.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И. Пределы капитала: методология и онтология. – М.: Культурная революция, 2009 – 680 с.; 5. Горц А. Нематериальное: знание, стоимость и капитал. К критике экономики знаний. – М.: ГУ-ВШЭ, 2010 – 208 с.
- Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества – М.: Наука, 1998.
- Колганов А.И. Собственность на знания как тормоз экономического и социального развития. – Альтернативы, 2002 – №1.
- Коуз Р.Г. Нобелевская лекция «Институциональная структура производства» (1991) – Природа фирмы – М., 2001 – с. 342-351.
- Красильщиков В.А. Вдогонку за прошедшим веком: Развитие России в XX веке с точки зрения мировых модернизаций. – М., 1998 – 264 с.
- Лукач Д. к онтологии общественного бытия. Прологомены. – М.: Наука, 1991 – 412 с.
- Маркс К. Капитал, т. 3 – Маркс К., Энгельс Ф., Соч., т.25, ч.1 – 553 с.
- Межуев В.М. Философия культуры. – М., 2003.
- Межуев В.М. Маркс против марксизма – М, 2007.
- Мизес Л. Человеческая деятельность. – М.: Дело, 2001 – 878 с.
- Поппер К.Р. Объективное знание. Эволюционный подход.- М., 2002 – с. 153
- Тоффлер Э. Третья волна, М.: АСТ, 1998. – 781 с.
- Ферн Э., Либерзон В., К. Макгурти и др. Шесть шагов в будущее. Как массовая индивидуализация меняет наш мир. – К.: Спайдер Украина, 2003–147 с.

- Фихте Й.Г. Замкнутое торговое государство. – Фихте Й.Г. Соч. в 2 томах – т. 2 – СПб: Мифрил, 1993 – 798 с.
- Флорида Р. Креативный класс. – М., 2005 – 452 с.
- Хардт М., Негри А. Множество: война и демократия в эпоху империи – М.: Культурная революция, 2006 – 559 с.
- Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты – М., 2001 – 431 с.
- Alchian A. Economic Forces at Work. – Indianapolis, 1977 – 384 p.
- Florida R. Creative Class War. Washington Monthly, January/Febr 2004 – p.7-18 – p. 9.
- Florida R., Tinagli I. Europe in the Creative Age. Pittsburgh: Carnegie Mellon Software Industry Center/London Demos, February 2004 – p. 12-35.
- Pine B.J. Mass Customization. – Boston: Harvard Business School Press, 2003 – 147 p.

METHODOLOGICAL BASES OF ANALYSIS OF CREATIVE ACTIVITY IN ECONOMIC SOCIOLOGY

Аннотация

В статье предлагается подход к анализу творческой деятельности, основанный на сочетании концепции альтернативных возможностей индивидуального выбора с анализом исторических тенденций изменения содержания человеческой деятельности.